

А. С. ЛЫЗЛОВА  
(Петрозаводск)

## ИМЕНА ПЕРСОНАЖЕЙ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ О ПОХИЩЕНИИ ЖЕНЩИНЫ:

### ВЛИЯНИЕ ЛУБОЧНОЙ ТРАДИЦИИ

*Аннотация.* В статье рассматривается влияние лубочных сказок на устные фольклорные варианты. На примере русских волшебных сказок о похищении женщины прослеживается воздействие, оказываемое книжной традицией XVIII—XIX вв., проявляющееся в употреблении имен персонажей.

**Ключевые слова:** лубочная традиция, русская волшебная сказка, похищение женщины, имена персонажей.

В 80-е гг. XVIII столетия появились первые издания русских сказок. В отдельных книгах и сборниках того времени печатались тексты, относящиеся к особому, полулитературному, полуболюкlorному, жанру, который принято называть лубочной сказкой. К настоящему времени этот жанр достаточно полно изучен (см.: [Корепова 1999, 13—21]). В России он существовал вплоть до 1918 г., пока не было прекращено издание лубочной литературы.

По словам К. Е. Кореповой, «авторы лубочных сказок, как правило, не придумывали новых сюжетов, а обрабатывали и передавали по-иному уже известные» [Корепова 1999, 24]. При этом «в результате бурной издательской деятельности самые популярные сюжеты русской волшебной сказки <...> вошли в лубок. В лубочных редакциях к началу XIX века существовало более 40 сюжетов, среди них: “Победитель змея”, “Три подземных царства”, “Смерть Кошца от коня” и “Смерть Кошца от яйца”, “Звериное молоко”, “Муж ищет исчезнувшую жену”, “Царевна-лягушка”, “Верный слуга”, “Сивко-Бурко”, “Незнайка”, “Молодильные яблоки”, “Животные-зятя” <...>» [Корепова 1999, 45—46]. Во многих из данных сюжетов представлена ситуация, связанная с похищением женщины. Т. В. Зуева отме-

чает, что «сюжет о похищении женщины (невесты, сестры, молодой жены и даже матери героя) является инвариантным признаком жанра волшебной сказки» [Зуева 1989, 70]. При этом исследовательница ссылается на В. Я. Проппа, который «выделил его (обозначенный сюжет. — А. Л.) как архетип» [Там же]: «Если бы могли развернуть картину трансформаций, то можно было бы убедиться, что морфологически все данные сказки могут быть выведены из сказок о похищении змеем царевны, из того вида, который мы склонны считать основным» [Пропп 2005а, 99].

Коллизия, связанная с похищением женщины, встречается уже в первой печатной сказке, которая была анонимно опубликована в Петербурге в 1782 г. под названием «Сказка о золотой горе, или Чудные приключения Идана, восточного царевича». Д. А. Ровинский отнес ее к числу «сказок, переведенных почти без переделок с западных оригиналов» [Ровинский 2002, 120], но при этом не указал точный источник. К. Е. Корепова, напротив, отмечает, что в ней «за “восточными” именами (Идан, Мигул, Сумбуна и т. д.) и экзотическими персонажами, вроде тигров и крокодилов, легко узнавалась популярная в русском фольклоре сказка о трех царствах» [Корепова 2001, 6]. Позднее «Сказка о золотой горе» неоднократно перепечатывалась в народных картинках, где приобрела «русифицированный» характер благодаря замене имен:

*«У них (царя и царицы. — А. Л.) было три сына, один назывался Фиггар-царевич, другой Мигул-царевич, а меньшей Идан-царевич»* [Идан 2001, 19].

*«<...> и имели они (царь с царицей. — А. Л.) у себя трех прекрасных сыновей, из которых называли большого Василий-царевич, а среднего Федор-царевич, а меньшего Иван-царевич»* [Афанасьев 1984, № 559].

Д. А. Ровинский предлагает краткий пересказ содержания указанной сказки, печатавшейся в народных картинках: «в ней Иван-царевич и два брата его, царевичи Василий и Федор, отправляются отыскивать свою мать, которую

унес злой дух. Иван-царевич отыскивает сперва царицу медного царства, потом серебряного и золотого и, наконец, свою мать; освобождает всех их от разных драконов и спускает с превысокой горы на полотнах к своим братьям. После спуска последней царевны, братья обрезают полотна, и Ивана-царевича оставляют на горе одного. Вскоре какой-то дух доставляет Ивана-царевича в его государство, здесь он прикидывается башмачником; царица золотого царства узнает его по работе, и дело разъясняется: братьев царевич женит на царевнах медного и серебряного царства, а сам берет за себя царицу золотого царства» [Ровинский 2002, 121].

Менее чем через пять лет после появления «Сказки о золотой горе» выходят сразу три сборника: «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки» (СПб., 1786), «Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок» (СПб., 1786) и «Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок. Собраны и изданы Петром Тимофеевым» (М., 1787). В каждом из них имеются тексты, повествующие о похищении женщины.

В сборнике «Лекарство от задумчивости» помещена «Сказка о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супружнице его Царь-девице», представляющая собой контаминацию нескольких сюжетов, зафиксированных в СУС под номерами: 552А *Животные-зятья*, 518 *Обманутые леише* и 400<sub>2</sub>=AA 400\*В *Царь-девица*. Д. А. Ровинский отмечает, что эта сказка имеет три издания в русских народных картинках. По его мнению, она относится к числу «сказок, заимствованных с западных образцов, но замечательных по удачной переделке на русские нравы» [Ровинский 2002, 117]. Для подтверждения своих слов ученый ссылается на сказку из «Пентамерона» Базили: «три брата-оборотня похитили трех царевен в жены; брат царевен отправляется отыскивать их, точно так же, как и наш Иван-царевич; находит их, дружится с мужьями-оборотнями, которые помогают ему освободить девицу-красавицу из рук страшного дракона. Сказка кончается общим благополучием четырех пар: царевича с женою и царевен с мужьями-оборотнями, которые обер-

нулись навсегда добрыми молодцами» [Ровинский 2002, 118]. В упоминаемом произведении из сборника «Лекарство от задумчивости» похищение совершается в отношении двух сестер Ивана-царевича.

В составе собрания «Дедушкины прогулки» опубликована «Сказка о весьма чудных и прекрасных гусях-самогудах», где в качестве вставного эпизода используется сюжет СУС 302<sub>1</sub> *Смерть Кощея в яйце*. В этом тексте царевна *Осида* дает поручение своему жениху *Астраху-царевичу*: «<...> съезди ты, любезнейший мой друг, за тридевять земель в тридешатое государство в царство Кощея Бессмертного и достань ты от него гусли-самогуды» [Дедушкины прогулки 2001, 168]. По пути в иной мир он попадает к Яге-бабе, от которой узнает, что там находится похищенная царская дочь: «<...> шестой уже год, как она унесена Кощеем Бессмертным от ее родимого батюшки, и живет с нею Кощей Бессмертный так, как с полюбовницею» [Там же, 170]. Путешествие героя в потустороннее царство, изначально не связанное с поисками женщины, позднее осложняется ее освобождением. В этой сказке героиня «вводится задним числом» [Пропп 2005а, 72], что, впрочем, характерно и для многих вариантов устной фольклорно-сказочной традиции.

«Сказка вторая о Иване-царевиче», вошедшая в сборник, подготовленный П. Тимофеевым, представляет собой соединение уже упоминавшихся ранее сюжетов 552А *Животные-зятья* и 400<sub>2</sub>=AA 400\*В *Царь-девица* с сюжетами 400<sub>1</sub>=AA 400А=К 400 А, В, С, D *Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену* и 302<sub>2</sub> *Смерть Кощея от коня*. Ситуация, связанная с похищением женщины, разрабатывается в этом тексте дважды: сначала похищенными оказываются три сестры Ивана-царевича, затем его молодая жена.

Наконец, отметим, что в составе сборника «Старая погудка на новый лад» (1794—1795) опубликована «Сказка о Василие-королевиче», которая представляет собой переработанный вариант «Сказки о золотой горе». При этом изменения связаны со значительными сокращениями и заменой некоторых деталей [Погудка 2003, 360]. Основой

для создания указанного произведения послужил текст народной картинки.

Сказки, объединенные темой похищения женщины, напечатанные на страницах изданий конца XVIII в., оказали значительное воздействие на устную фольклорную традицию. Это влияние обнаруживается в использовании характерных для книжных источников сюжетных контаминаций, отдельных мотивов, имен персонажей. Вместе с тем в устных вариантах находят отражение и черты, присущие другим сказкам лубочного содержания, опубликованным в упоминаемых ранее сборниках, а также в созданных на их основе народных картинках и дальнейших редакциях, осуществленных талантливыми писателями-лубочниками.

Наиболее ощутимо воздействие проявляется в употреблении имен персонажей, что мы далее попытаемся продемонстрировать на конкретных примерах.

По словам С. Ю. Неклюдова, сказочный герой «обычно не описывается, а называется» [Неклюдов 1972, 200]. Поэтому, как отмечают многие исследователи, для любого сказочного персонажа характерна значимость имени [Фрейденберг 1936, 249; Неклюдов 1972, 200; Разумова 1991, 62]. При этом имена, как и многое в народной сказке, стереотипны: из варианта в вариант повторяются *Иван, Василиса, Мария, Елена*. Вместе с тем некоторые из имен, употребляющиеся в сказке книжной, также проникают в устную традицию. В интересующих нас фольклорных текстах данное обстоятельство касается всех трех персонажей коллизии — похитителя, освободителя и похищенной женщины.

Одна из значимых ролей в анализируемых сказках отводится похитителю. В первой печатной сказке, имеющейся в нашем распоряжении, похищение матери героя осуществляет *Вихрь*: «*В один день царь прогуливался с царицей в саду, и, вдруг поднявшись, вихрь унес супругу из глаз его*» [Идан 2001, 19]. В дальнейшем повествовании он именуется *царь Вихорь*. Этот же похититель фигурирует в «Сказке о золотом, серебряном и медном царствах», помещенной в собрании Д. А. Ровинского: «*<...> ту минуту Вихорь прилетел и начал ласкаться*

*к царице*» [Афанасьев 1984, № 559]. Здесь он, кроме того, характеризуется как *Дух*. Примечательно, что в «Сказке о Василие-королевиче» из сборника «Старая погудка на новый лад», связанной с предыдущими текстами, момент похищения матери описывается следующим образом: «*В одно время король прогуливался по своему прекрасному саду, вдруг поднялся великий вихорь и, схватив на воздух королеву, унес ее в неизвестное королевство*» [Погудка 2003, № 34]. Позднее оказывается, что героиня была похищена Змеем: «*Между тем мать его узнала приход змея, который ее унес из королевства*» [Там же]. Подобная замена вполне объяснима существованием большого количества сказок, в которых в роли похитителя выступает Змей.

Вместе с тем во многих устных вариантах похищение женщины совершает *Вихрь*: «*Глянула (мать. — А. Л.) и вскрикнула: “<...> Ведь здесь на горах царствует злой, могучий Вихрь, <...> он-то и меня унес”*» [Афанасьев 1984, № 129]; «*Она (мать. — А. Л.) ему и говорит: “— Зачем ты, Ванюша, сюда попал. Тебя нечистый дух сничтожит”*». <...> *Прилетает Вьхорь*» [Карнаухова 2006, № 14]; «*И вот однажды сидела царица в саду, налетел Вихрь и унес царевну*» [Новгород 2001, № 35]. Похититель с таким именем присутствует в некоторых текстах сборника «Великорусские сказки», подготовленного И. А. Худяковым [Худяков 2001, № 43, № 82]. Показательно, что в устной традиции этот персонаж нередко называется *Вихорь Вихоревич* [Никифоров 1961, № 131; Соколовы 1999, № 153]/*Вехорь Вехоревич* [Озаровская 2000, № 26]. В данном случае наблюдается «сочетание „сказочного” содержания имени с такой его структурой, которая может быть свойственна только человеку (по типу имя-отчество)» [Разумова 1991, 63]. Отметим, что в процессе длительного бытования устной фольклорно-сказочной традиции указанное имя подверглось трансформациям. К примеру, в одном из текстов сборника А. Н. Афанасьева также представлено похищение матери героя, чрезвычайно напоминающее соответствующую ситуацию в проанализированных выше сказках: «*Сотрясла беда немалая — утащил царицу нечистый дух*» [Афанасьев 1984, 101

№ 130]. В ходе дальнейшего повествования выясняется, что похитителем на самом деле оказывается Ворон. Об этом герою сообщают три поочередно встреченные в медном, серебряном и золотом царствах девушки: «*Твоя матушка у моего отца живет — Ворона Вороновича*» [Там же]. В 1905 г. в Барнаульском уезде Томской губернии (ныне Алтайский край) В. Ф. Булгаковым была зафиксирована сказка, в которой при обозначении похитителя используются оба упоминаемых выше наименования: «*Накатилась туча, и вылетает из тучи Ворон Вороневич-Вихорь Вихоревич, сильный могучий богатырь. Ухватил ихню мать, стал поднимать кверху*» [Записки II 2000, № 31]. В одной из сказок сборника, составленного И. В. Карнаухова, в качестве похитителя сестры героя функционирует Ворон Воронович, Когот Коготович [Карнаухова 2006, № 124]. Примечательно, что этот текст был записан в одно время (1926 г.) и на одной территории (Архангельская обл.), что и сказка «Три царства: золотое, серебряное и медное», помещенная в сборнике А. И. Никифорова, подготовленном к печати В. Я. Проппом, где представлена следующая ситуация: «*Налетел Кокот Кокотовиць Крёкот Крёкотовиць, схватил у них мать и унес*» [Никифоров 1961, № 79]. При этом появление наименования может быть связано с оглушением сочетания «Когот Коготович». В то же время в «Словаре малоупотребительных и областных слов», составленном В. Я. Проппом, «кокот» означает «петух, кочет» [Афанасьев 1957, 506]. Попутно отметим, что Ворон — похититель женщин представлен также в сюжетах 312D=AA \*312 I *Катигорошек*, 552A=AA 552 *Животные-зятя* и 552B=AA \*299 *Солнце, Месяц и Ворон — зятя*. Что касается проанализированных выше вариантов, то все они относятся составителями СУС к сюжету 301A, В *Три подземных царства*, как, впрочем, и «Сказка о золотой горе» и созданная на ее основе народная картинка, к которым они восходят. Вместе с тем в большинстве из этих текстов расположение иного мира связано не с понижением, а с повышением уровня относительно мира своего. Кроме того, в них имеются не три, а четыре царства: в трех из них (медном, серебряном и золотом) герой

встречает девушек, а в четвертом оказывается похищенный женский персонаж (как правило, его мать). Безусловно, эти сказки заслуживают подробного специального рассмотрения, которое невозможно осуществить в рамках настоящего исследования. Упоминаемые печатные тексты XVIII в. способствовали появлению многочисленных устных вариантов. Они обеспечили возникновение в устной фольклорно-сказочной традиции новой версии сюжета, где соответствующие дворцы (или царства) располагаются на горе. Это дает основание говорить о том, что составители СУС не совсем верно озаглавили указанный сюжет. Кстати, в Указателе Н. П. Андреева он назван «Три царства: медное, серебряное, золотое» [Андреев 1929], что более правильно.

Большое влияние на устную традицию оказали также две лубочные сказки, представляющие сюжет 552A=AA 552 *Животные-зятя*. Напомним, что одна из них помещена в сборнике «Лекарство от задумчивости» и называется «Сказка о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супружнице его Царь-девице»; а другая появилась годом позже в составе собрания, подготовленного П. Тимофеевым, под заглавием «Сказка вторая о Иване-царевиче».

В первом из указанных текстов похищение совершается в отношении двух сестер героя: «*<...> в некое время пошли они в зеленые сады гулять с своими нянюшками и мамушками, и гуляли они там весьма многое время, как вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен из глаз их нянюшек и мамушек*» [Лекарство 2001, 75]. Иван-царевич, отправившись на их поиски, выясняет, что со старшей сестрой живет «*нечистый дух, который приходит к ней медведем*» [Там же, 79], а вторая «*живет с морским чудовищем, который содержит ее в медном замке*» [Там же, 81]. К данной лубочной сказке восходит вариант, помещенный в сборнике, подготовленном И. А. Худяковым [Худяков 2001, № 108]. В нем сохраняются имена похищаемых женских персонажей, о чем пойдет речь дальше. Что касается похитителей, то во время поисков оказывается, что сестер «*духи унесли <...>. Такие-то Вихри сильные, волшебные*» [Там же]. В свете рассмотренных

выше сказок подобная замена вполне объяснима. А вот в варианте из сборника «Сказки Заонежья» похищение осуществляет нечистый дух, появление которого сопровождается вихрем: «*Вот гуляли эти дочки в саду в одно прекрасное летнее время. Вдруг поднялся страшный вихорь, деревья закачались, стали гнуться к земле. Скатился в сад огромный клуб, в нем оказался нечистый дух. Подхватил обеих царевичей, поднял на воздух и скрылся*» [Заонежье 1986, № 48]. Между тем позднее встреченная Иваном-царевичем старушка сообщает, что первая его сестра «*тая недалеко здесь, она находится за лесным зверем-медведем*», а вторая «*находится за морским чудовищем*» [Там же]. Эти упоминания отсылают к «Сказке о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супругнице его Царь-девице» из собрания «Лекарство от задумчивости». В обоих рассмотренных устных вариантах сохраняется контаминация сюжетов, используемая автором лубочного текста.

«Сказка вторая о Иване-царевиче», представленная в сборнике П. Тимофеева, оказала еще большее влияние на устную традицию и представлена многочисленными записями, произведенными на всей территории России. Ее началом служит сюжет 552A=AA 552 *Животные-зятья*, в котором похищение сестер героя осуществляют три орнитоморфных персонажа — *Орел*, *Ворон* и *Сокол* [Тимофеев 2001, 245—247]. Подобная комбинация указанных похитителей используется в большинстве устных вариантов [Афанасьев 1984, № 159; Верхнеленские сказки 1938, № 30; Худяков 2001, № 20, № 62]. При этом в некоторых сказках в наименованиях сочетаются имя и отчество: *Ворон Воронович*, *Орел Орлович* и *Сокол Соколович* фигурируют в текстах, записанных в Горьковской (Нижегородской) обл. [Потявин 1960, № 6] и в Карелии [Чистов 1958, 62—73]. В процессе бытования устной сказочной традиции появляются и другие имена. Так, в варианте, записанном от М. М. Коргуева, наряду с *Орлом* и *Вороном*, похитителем оказывается *Голубь* [Коргуев 1939, № 8]. В сказке, зафиксированной от вепса Ф. С. Смирнова на русском языке и связанной с лубочным текстом, функционируют *Черный ворон*, *Сизый голубь*

и *Ясный сокол* [Вепские сказки 1941, № 4]. В сборнике, подготовленном Д. К. Зелениным, помещена сказка «Про Ивана-царевича и Елену прекрасную», где похищение сестер героя осуществляют *Орел*, *Сокол* и *Ястреб* [Вятская губерния 2002, № 86]. Отметим, что в других устных вариантах в роли похитителей женщин выступают не только иные птицы (лебедь, воробей, утка, «Царь-птица», «птица-железный нос» и др.), но также различные животные (медведь, лев, волк, заяц, кот) и даже рыбы (ерш, щука). Вместе с тем во всех этих сказках используется контаминация сюжетов, представленная в лубочном источнике.

Есть еще одно имя похитителя, появившееся в некоторых устных вариантах под влиянием книжной традиции, — *Карачун*. Оно связано с неоднократно издававшейся в России с середины 50-х годов XIX в. и до 1918 г. «Сказкой о Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне». Важно подчеркнуть, что, как отмечают некоторые исследователи (см.: [Новиков 1974, 193; Назиров 1989, 36]), Карачун функционирует уже в книге М. Попова «Славянские древности, или Приключения славянских князей», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1770—1771 гг. Здесь он характеризуется как «гнуснейшее и ужаснейшее страшилище», способное перевоплощаться в огонь, человека, «семиглавую гидру» (семиглавого змея); это существо «влюбчивое и корыстолюбивое»: «всех прекрасных женщин похищал он в свой сераль, и редкие вещи собирал отовсюду в свои сокровища» (цит. по: [Новиков 1974, 193]).

Чрезвычайное распространение получила редакция упоминаемой выше сказки, созданная в 1895 г. писателем-лубочником И. С. Ивиным, печатавшимся под псевдонимом «И. Кассиров». Источником данного произведения, в свою очередь, является сказка с тем же названием, сочиненная Ф. М. Исаевым и опубликованная в 1859 г., которая предлагает литературную обработку фольклорного сюжета «Царевна-лягушка» (подробно см.: [Корепова 1999, 116—125]). Текст И. Кассирова представляет собой контаминацию нескольких сюжетов, зафиксированных в ука-

зателе под номерами: 402 *Царевна-лягушка*, 400<sub>1</sub>=AA 400A=K 400A, B, C, D *Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*, 554 *Благодарные животные*, 302<sub>1</sub> *Смерть Кощея в яйце*.

К настоящему времени удалось обнаружить всего шесть вариантов указанной лубочной сказки, бытовавших в устной традиции. Практически все они были зафиксированы в 30-е гг. XX в.: в 1931 г. от И. Ф. Ковалева в Нижегородской обл., в 1936 г. от вепса Ф. С. Смирнова в Ленинградской обл., в 1937 г. от сосланного в Карелию белоруса Ф. П. Господарёва в Петрозаводске, в 1938 г. от О. И. Дмитриева в Пудожском районе Карелии, в 1939 г. от В. И. Головашина в Тамбовской обл. Отметим, что сказочную традицию О. И. Дмитриева усвоил также его сын — Михаил Осипович, от которого дважды была записана «Сказка про жену Светлану» (в 1975 и 1976 гг.). Примечательно, что лишь в вариантах, зафиксированных от Ф. С. Смирнова [Вепские сказки 1941, № 19] и О. И. Дмитриева [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 2. № 77], похититель носит имя *Карачун*. Ф. П. Господарёв называет его *Корчун* [Господарёв 1941, № 8]. Интересно, что в варианте, записанном от М. О. Дмитриева в 1975 г., вместо Карачуна, являющегося обладателем внешней души, хранящейся в надежно спрятанном яйце, фигурирует *Кощай* [Пудожье 1982, № 2]. В повторной записи сказочником используются оба этих имени, а также усложненный вариант: «*Карачун ее унес Кошья Бессмертного*», «*Прилетел Карачун Кошья*» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 98. № 56]. Подобная же ситуация представлена в тексте «Светлана Прекрасная», зафиксированном от И. Ф. Ковалева, где функционирует *Кощей Бессмертный*. Лишь в одном месте ближе к концу повествования героиня предупреждает Ивана-царевича о скором возвращении ее дяди — волшебника Карачуна. Далее в сказке сообщается: «*А Карачун ударился о землю и превратился в Кощея Бессмертного, старого, худого, длинноногого, горбоногого, а колени были вместе*» [Ковалев 1941, № 12]. Наконец, в варианте В. И. Головашина похититель именуется *Карачун-Кошей* [Тамбовский фольклор 1941, № 5]. Отмеченные фак-

ты свидетельствуют о том, что заимствованный из лубочной литературы Карачун с течением времени трансформировался в более близкого фольклорной традиции Кощея.

Примечательно, что в одном из устных вариантов похищение женщины осуществляет жар-птица: «*На ту пору, на то время прилетела Жар-птица, схватила их матушку и унесла за тридевять земель, за тридевять морей в свое царство*» [Смирнов 2003, № 31]. Появление этого имени связано с лубочной «Сказкой о Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», впервые опубликованной в сборнике «Дедушкины прогулки». Этот текст относится к сюжету 550=K 417 *Царевич и серый волк*. По мнению В. Я. Проппа, сказка о жар-птице «очень популярна на Востоке и в Западной Европе и меньше у нас» [Пропп 2005б, 247]. Однако, как отмечает К. Е. Корепова, «в XIX веке и в России она была едва ли не самой известной, только распространялась преимущественно книжным путем» [Корепова 1999, 67]. По словам исследовательницы, с середины XIX столетия и до 1918 г. сказка о жар-птице выдержала более 150 лубочных изданий; подробный анализ многих этих редакций представлен в отдельном разделе ее монографии [Корепова 1999, 67—111]. Во всех этих сказках жар-птица принадлежит к числу диковинок, которые находятся в ином мире. Использование ее в роли похитителя женщины представляет собой уникальный случай и свидетельствует о фантазии носителя фольклорно-сказочной традиции.

Влияние лубочных сказок на устные варианты заметно не только в именах похитителей, но и освободителей женщин. Наиболее часто мужской персонаж восточнославянских сказок называется *Иваном*. «Это имя нарицательное и традиционное. Вместе с тем, как всякое имя в сказке оно может употребляться сказочником, а может и не употребляться, заменяться другим и пр.» [Новиков 1974, 27].

В нескольких фольклорных текстах герой фигурирует под именем *Василий-царевич* [Никифоров 1961, № 79; Худяков 2001, № 82]. Оно связано с называвшейся ранее лубочной картинкой о трех царствах. Кроме того, главным

героем сказки из сборника «Старая погудка» является *Василий-королевич* [Погудка 2003, № 34].

В одном из текстов Ф. П. Господарёва, уже упоминавшимся выше, освободитель носит имя *Еруслан Лазаревич* [Господарёв 1941, № 8], которое характерно для многочисленных вариантов особого сюжета, зафиксированного в СУС под номером 650В\*; в его названии содержится указанное имя. Данный сюжет представлен в лубочной литературе: «Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и невообразимой красоте царевны Анастасии Вохрамеевны» опубликована в сборнике «Лекарство от задумчивости», на ее основе создана «Сказка о царевиче Артобазе Хиразовиче — сильном, могучем богатыре», помещенная в собрании «Старая погудка на новый лад». К. Е. Корепова отмечает, что «русская сказка о Еруслане восходит к восточному сказанию, которое, вероятно, в Средневековье проникло на Русь, здесь в XVII в. было литературно обработано и получило широчайшее распространение в виде списков (их известно 20), в лубочных книжках (более 200 изданий) и картинках» [Лекарство 2001, 380]. Д. А. Ровинский полагает, что данная сказка представляет «несомненное сходство, как по своей основе, так и по встречающимся в ней именам собственным, с персидской поэмой “Шах-Наме”, хотя иноземная основа поэмы подверглась при этом чисто русской переработке. Судя по иностранным именам Продоры, Поликарии, Епистамии, Назарии, Легии и т. д., можно, однако же, с достоверностью предположить, что русский составитель сказки заимствовал ее не из персидской поэмы, а прямо перевел или переделал ее с западного или юго-славянского оригинала» [Ровинский 2002, 115]. Подробное исследование сказки о Еруслане Лазаревиче представлено в монографии Л. Н. Пушкарева [Пушкарев 1980].

Во многих текстах при обозначении героя, выступающего в роли освободителя похищенной женщины, даются указания на его принадлежность к определенной профессии. Нередко на поиски отправляется солдат: «*Утерялась у царя дочь. <...> Когда собрали всех, из всей публики один рядовой солдат и го-*

*ворит, что “Я могу отыскать царскую дочь”*» [Записки I 2000, № 33]; «*И вот, услышал об этом (о поисках королевской дочери. — А. Л.) служивый солдатик и является королю на лицо: “Ваше Королевское Величество, я вашу дочь отыскать могу”*» [Вятская губерния 2002, № 84]. Иногда в сказках сообщается, что царь перед поисками дает ему чин: «*Тут ему (рядовому солдату. — А. Л.) нашили нашивки, и он стал португей-прапорщик уже*» [Господарёв 1941, № 14]; «*И он, царь, назначает его прапорщиком, этого бойца уже, солдата*» [Новгород 2001, № 40]; «*Тогда король нашл ему (солдату. — А. Л.) на фуражку ленту с надписью: “Протопей-прапорщик” и строго наказал матросам во всем подчиняться*» [Потявин 1960, № 17]. Иногда этот чин становится именем героя. Почти все сказки с участием солдата-вызволителя объединены одним сюжетом, зафиксированным в СУС под номером 301\*D=AA301\*C *Солдат находит исчезнувшую царевну*, который имел чрезвычайное распространение в лубочной литературе. Анализ этой популярной сказки о Португее-прапорщике представлен в кандидатской диссертации И. В. Сабитовой [Сабитова 1986]. Э. В. Гофман (Померанцева) и С. И. Минц отмечают, что лубочная «Сказка о сильном и храбром рыцаре Протупее-Прапорщике и о прекрасной королеве Маргарите» в свою очередь восходит к повести XVIII в. «Гистория о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королевне Ираклии» [Ковалев 1941, 337].

Наконец, некоторые имена искомого женского персонажа также восходят к лубочным сказкам. Характерно, что для обозначения похищаемых женщин в большинстве сказок используется упоминание какого-либо персонажа мужского пола, то есть в наименовании героини нередко отражается ее семейный статус и сословная принадлежность. В этих случаях женщины являются безымянными, что вполне оправдано самой ситуацией: главная роль отводится герою-освободителю. Вместе с тем во многих текстах женщины, подвергающиеся похищению, наделяются именами собственными.

Н. В. Новиков отмечает, что наибольшей популярностью в русских

сказках пользуются четыре имени: *Елена, Мария, Анастасия и Василиса* [Новиков 1974, 131]. Кроме того, все они употребляются в лубочной литературе XVIII в. [Лекарство 2001, 388—390; Погудка 2003, 365—367].

В нескольких сказках героиня именуется *Марья Моревна*: «<...> нагнал (Кошей Бессмертный. — А. Л.) на дороге *Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе*» [Афанасьев 1984, № 159]; «*Приезжает Марья Маревна, входит во дворец, видит: змей ходит свободен*» [Худяков 2001, № 20]. Б. А. Рыбаков полагает, что вторая часть указанного наименования связана с персонажем весенней аграрно-магической обрядности — Мареной (Мореной) [Рыбаков 1987, 324], известной, прежде всего, в западнославянской традиции [Валенцова 2004, 180]; это «чучело, кукла или деревце в ритуалах проводов зимы и встречи весны, воплощение Смерти, зимы» [Там же]. «Обряд заключался в том, что изготавливали из соломы куклу и затем топили ее или сжигали, а горелую солому от Марены разбрасывали по полям. <...> Имя уничтожаемого чучела было связано с понятием смерти, зимнего омертвения природы; оно происходит от слова “МОР”, от глагола “мрети” — умирать» [Рыбаков 1987, 324—325]. Обряд состоял из двух частей: сначала из соломы создавали чучело и уничтожали его разными способами, после этого в лесу вырубали специальное деревце, которое украшали и приносили в деревню [Валенцова 2004, 180—181]. При этом первая часть символизировала провода зимы, а вторая — наступление весны. По словам М. М. Валенцовой, известны варианты обряда, в которых обе его части слились воедино [Там же, 181]. Сложно сказать, действительно ли появление такого имени у сказочной героини обусловлено связью с упоминаемым обрядом. Дело в том, что подобным образом похищаемая женщина названа в «Сказке второй о Иване-царевиче» из сборника, составленного П. Тимофеевым (1787 г.): «<...> *рассказал ему (зятю. — А. Л.) Иван-царевич, как он лишился своей Марьи Маревны и что едет ее искать*» [Тимофеев 2001, 251]. Оба процитированных текста восходят к указанной сказке. Скорее всего,

П. Тимофеев заменил распространенное в устной фольклорно-сказочной традиции наименование «*Марья-царевна*» на «*Марья Маревна*», чтобы придать ему индивидуальность.

В одном из проанализированных вариантов похищаемую Кошеем жену героя зовут *Дружевна Инджеевна* [Кенозерье 2003, 37]. Появление этого имени связано с лубочной сказкой о Бове-королевиче, которая «заимствована с итальянского оригинала» [Ровинский 2002, 109]. Один из женских персонажей в этом произведении назван *Дружевна*, в итальянском источнике ей соответствует *Drusiana*. Подробное рассмотрение сказки о Бове представлено в исследовании В. Д. Кузьминой [Кузьмина 1964].

В нескольких сказках героиня носит имя *Ягута/Екута*: «*Пошел Иван-царевич к Екуте-прекрасной*» [Магай 1940, № 8]; «*Пошел тогда (Иван-царевич. — А. Л.) к своей невесте, к Ягэты*» [Никифоров 1961, № 98]. Эти тексты относятся к сюжету 550=К 417 *Царевич и серый волк* (сказка о жар-птице), который контаминируется с сюжетом 302<sub>1</sub> *Смерть Кошея в яйце*. Отметим, что указанное имя представлено подобной контаминацией, т. е. не относящихся к теме похищения женщины. Так, *Якута-царевна — золотая грудь* является «богосуженой» Ивана-царевича в сказке, помещенной в сборнике И. В. Карнаухова [Карнаухова 2006, № 169], а *Якутá Прекрасная* становится женой героя в сказке «Иван-царевич», записанной от И. Ф. Ковалева [Ковалев 1941, № 4]. Примечательно, что Э. В. Гофман (Померанцева) и С. И. Минц в комментарии к последнему тексту отмечают, что «имя Якуты в сказке Ковалева лишний раз подтверждают северную ориентацию его сказок» [Ковалев 1941, 317]. На самом деле появление этого имени опять же связано с лубочной традицией. Впервые оно было использовано в одной из редакций сказки о жар-птице, созданной в 1882 г. известным писателем-лубочником В. Суворовым, который дал женскому персонажу имя *Екута Горынишина*.

В рассматриваемых нами сказках есть еще одно имя похищаемой героини, возникшее под влиянием лубочной литературы, — *Светлана*: «*Он (Корчун. — А. Л.) схватывает Светлану и летит за*



море, в другой свой замок» [Господарёв 1941, № 8]; «А этот Иван-царевич погостил у Светланы, собрал необходимые вещишки, отправился разыскивать смерть Кощаеву» [Пудожье 1982, № 2]. Эти тексты восходят к уже упоминаемой ранее (в связи с образом Карачуна) редакции «Сказки о Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне». Указанное женское имя прочно вошло в устную традицию и в литературу (ср.: баллада В. А. Жуковского «Светлана»).

Примечательно, что в одной из сказок героиня, в отношении которой совершается похищение, носит имя *Свет-Луна*: «*Рассказал ей (Бабе-яге. — А. Л.) все Иван-богатырь: — С великой грусти, — говорит, — иду — не волей, жену, Свет-Луну ишу*» [Карнаухова 2006, № 65]. К. Е. Корепова считает, что это наименование возникло в результате искаженного воспроизведения в устной передаче имени *Светлана* [Корепова 1999, 128]. Вместе с тем, и в некоторых других сказках героини имеют астральные имена. Так, в «Сказке о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супруге его Царь-девице», помещенной в сборнике «Лекарство от задумчивости», сообщается, что царица «родила дочь прекрасную, которую назвали Луною. Чрез год же родила она еще одну дочь, которая красотой своею гораздо превосходила сестру свою, почему и назвали ее Звездой» [Лекарство 2001, 75]. Заметим, что в русской сказочной традиции достаточно часто функционируют персонажи с астральными знаками и именами. Так, например, для многих вариантов на сюжет, зафиксированный в СУС под номером 707 *Чудесные дети*, характерны герои, у которых «волосинка одна на головы золотая, а друга серебряна, а на затылке месяц, а по косицам части мелки звездочки, а во лбу ясно солнышко» [Заонежье 1986, № 76]. (Напомним, что подобная формула использована А. С. Пушкиным в «Сказке о царе Салтане», где у Царевны Лебедь «месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит»). Т. В. Краюшкина приводит примеры из сказок, зафиксированных на территории Сибири, в которых фигурируют герои с именами «Иван Солнцов сын», «Иван Месяцов сын», «Солнышко», «Месяц» [Краюш-

кина 2005, 74]. С Солнцем связано происхождение персонажей *Зорька*, *Вечерка* и *Полуночка*, выступающих в роли освободителей женщин в некоторых рассматриваемых сказках. Наконец, *Солнце* и *Месяц* оказываются похитителями девушек в текстах на сюжет 552В=АА\*299 *Солнце, Месяц и Ворон — зятья*. Все эти примеры подтверждают мнение, что «небесные светила связаны с идеей брака и деторождения» [Краюшкина 2005, 72]. Оно находит отражение не только в сказках, но и в других жанрах фольклора (пословицах, поговорках, колыбельках) (см. подробно: [Краюшкина 2005, 73]).

Возвращаясь к именам похищаемых героинь, отметим, что Луной и Звездой они названы еще в двух рассмотренных текстах: «<...> родилась у них (царя и царицы. — А. Л.) дочь, нарекли ей имя Луна. <...> Родилась у них еще дочь, и дали ей имя Звезда» [Худяков 2001, № 108]; «В некоем царстве жили царь и царица, у них было две дочери — Луна и Звезда» [Заонежье 1986, № 48]. Эти варианты восходят к упоминаемой ранее «Сказке о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супруге его Царь-девице» из сборника «Лекарство от задумчивости». Появление похищаемых женских персонажей, связанных с астральными явлениями, может быть обусловлено существованием сюжета 300А\* *Возвращение змеборцем похищенных змеем небесных светил* (или добывание у змея солнца для храма, ключа от солнца, золотой шубы и серебряной короны для царя и т. п.), краткое содержание которого сводится к следующему: «герой выполняет это поручение, победив на мосту трех многоголовых змеев (небесные светила находит в карманах змеев или в кармане третьего змея, или в подземном царстве)» [СУС 1979, 105]. Этот сюжет представлен незначительным количеством текстов, но вполне мог быть известен составителю сборника «Лекарство от задумчивости».

Таким образом, лубочная сказочная литература оказала большое влияние на устную фольклорную традицию. Это воздействие особенно ощутимо проявляется в использовании имен персонажей, что мы попытались показать в исследовании на примере русских волшебных сказок о похищении женщины.

## Литература

Андреев 1929 — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Валенцова 2004 — *Валенцова М. М.* Морена (Морена) // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 180—182.

Зуева 1989 — *Зуева Т. В.* Волшебная сказка и семейно-бытовые обряды в системе восточнославянского фольклора // Поэзия и обряд: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1989. С. 50—79.

Корепова 1999 — *Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. Н. Новгород, 1999.

Корепова 2001 — *Корепова К. Е.* У самых истоков // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 5—16.

Краюшкина 2005 — *Краюшкина Т. В.* Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках. Владивосток, 2005.

Кузьмина 1964 — *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр златых ключей. М., 1964.

Назирова 1989 — *Назирова Р. Г.* Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце» // Фольклор народов РСФСР / Межвуз. науч. сб. Уфа, 1989. С. 31—40.

Неклюдов 1972 — *Неклюдов С. Ю.* Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 191—219.

Новиков 1974 — *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

Пропп 2005а — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2005.

Пропп 2005б — *Пропп В. Я.* Русская сказка. М., 2005.

Пушкарев 1980 — *Пушкарев Л. Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980.

Разумова 1991 — *Разумова И. А.* Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск, 1991.

Ровинский 2002 — Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 2002.

Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.

Сабитова 1986 — *Сабитова И. В.* Сказка о Португее-прапорщике в книжной и устной традиции (происхождение, своеобразие, трансформация): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1986.

Фрейденберг 1936 — *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936.

## Источники

Афанасьев 1957 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

Афанасьев 1984 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1984.

Вепские сказки 1941 — Вепские сказки / под общ. ред. Н. П. Андреева; зап. текстов, коммент. и примеч. Г. Е. Власьева. Петрозаводск, 1941.

Верхнеленские сказки 1938 — Верхнеленские сказки. Сб. М. К. Азадовского. Иркутск, 1938.

Вятская губерния 2002 — Великорусские сказки Вятской губернии. Сб. Д. К. Зеленина. СПб., 2002.

Господарёв 1941 — Сказки Филиппа Павловича Господарёва / зап. текста, вступ. ст., примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

Дедушкины прогулки 2001 — Дедушкины прогулки, или продолжение настоящих русских сказок (1786 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 131—228.

Заонежье 1986 — Сказки Заонежья / сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

Записки I 2000 — Русские сказки и песни в Сибири. Записки РГО 1902 года // Русские сказки и песни в Сибири (Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества по этнографии 1902 и 1906 гг.). СПб., 2000. С. 11—312.

Записки II 2000 — Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний. Записки РГО 1906 года // Русские сказки и песни в Сибири (Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества по этнографии 1902 и 1906 гг.). СПб., 2000. С. 313—559.

Идан 2001 — Сказка о золотой горе, или удивительные приключения Идана, восточного царевича (1782 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 17—38.

Карнаухова 2006 — *Карнаухова И. В.* Сказки и предания Северного края. СПб., 2006.

Кенозерье 2003 — Кенозерские сказки, предания, былички / вступ. ст., сост. и примеч. Н. М. Ведерниковой. М., 2003.

Ковалев 1941 — Сказки И. Ф. Ковалева / зап. и коммент. Э. Гофман и С. Минц. М., 1941 (Летописи Гос. лит. музея. Кн. 11).

Коргуев 1939 — Сказки Карельского Беломорья. Т. 1: Сказки М. М. Коргуева / зап., вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939.

Лекарство 2001 — Лекарство от задумчивости и бессонницы, или настоящие русские сказки (1786 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 39—130.

Никифоров 1961 — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

Новгород 2001 — Традиционный фольклор Новгородской области / изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001.

Озаровская 2000 — *Озаровская О. Э.* Пятиречье. СПб., 2000.

Погудка 2003 — Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XIX века. СПб., 2003.

Потявин 1960 — Народная поэзия Горьковской области. Вып. первый / сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960.

Пудожье 1982 — Русские народные сказки Пудожского края / сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.

Смирнов 2003 — Великорусские сказки архива Русского географического общества: Сб. А. М. Смирнова. СПб., 2003. Кн. 1.

Соколовы 1999 — Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 кн. СПб., 1999. Кн. 1.

Тамбовский фольклор 1941 — Тамбовский фольклор / ред. и предисл. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Тамбов, 1941.

Тимофеев 2001 — Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок. Собраны и записаны Петром Тимофеевым (1787 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 229—378.

Худяков 2001 — *Худяков И. А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001.

Чистов 1958 — Перстенок — двенадцать ставешков (Избранные русские сказки Карелии) / сост., вступ. статья и коммент. К. Чистова. Петрозаводск, 1958.

### Сокращения

НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра РАН

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

*Summary. The article examines the impact of cheap popular folk tales on the oral versions. On the example of the Russian fairy tales about the abduction of women we traced the impact of book tradition of 18<sup>th</sup> — 19<sup>th</sup> centuries manifested in the use of characters' names.*

*Key words: Cheap popular tradition, Russian fairy tale, abduction of women, names of the characters.*

И. А. БЕССОНОВ  
(Москва)

## ЛЕГЕНДЫ О ПАДЕНИИ ЦАРСТВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

*Аннотация. Статья посвящена рассмотрению легенд о падении царств в византийской и славянской литературах и фольклоре. Анализируются сообщения и повествования о пророчествах, знаменьях, вещих снах, предрекающих падение городов и царств, дается список наиболее типичных мотивов, характерных для рассматриваемых произведений.*

*Ключевые слова: средневековая литература, легенда, пророчества, знаменья.*

Предметом настоящей статьи являются византийские и славянские повествования о падении городов и царств, точнее рассказы о знаменьях и пророчествах, т. е. символических и непосредственных, прямых, указаниях на будущие события, влекущие за собой гибель царств. Важные исторические события, изменявшие судьбы народов и государств, всегда получали свое отражение и в литературной и в фольклорной традиции. Как правило, в данном случае эти традиции были тесно взаимосвязанны: средневековые писатели активно черпали материал из актуальной фольклорной традиции, перерабатывая ее в соответствии со своим пониманием истории. Фольклорная традиция также использовала информацию, образность, идеи, заимствованные из книжных источников. При этом следует говорить не только о связи актуальной, современной фольклорной традиции с современными литературными произведениями, но и о многовековой традиции повествований о падении царств, восходящей еще к античным и библейским источникам. Необходимо отметить, что эта традиция всегда было устно-письменной, тесно сочетающей литературную и фольклорную традицию.